

БРАТСТВО РУСИСТОВ или язык и безопасность

ОГЛАВЛЕНИЕ:

1. Введение	2
2. Знай свой род	4
3. Святые от науки	8
4. «Мы от рода руска»	14
5. Тайная стража	16

1. Введение

Мне довелось дружить не один десяток лет со знаменитым филологом, академиком Олегом Николаевичем Трубачевым и его семьей. Наши беседы всегда были очень интересны и затрагивали широкий круг вопросов. Но чаще всего мы касались тем отечественной истории и филологии, и особенно природы русского языка, как важнейшего инструмента в созидании личности, семьи, армии и государства. Написать о служении академика Трубачева родному языку мне хотелось давно, пожалуй, с года 1984-го. Тогда в «Правде» вышла его статья «Славяне, язык и история». Строгая статья Трубачева была заряжена такой сдержанной болью и духовной мощью, что даже напугала газету обвалом откликов и писем. В числе восхищенных читателей оказался и начальник Генерального штаба грозных тогда Вооруженных сил СССР сверхосведомленный маршал Ахромеев. Трубачев и маршалу и всем остальным адресатам ответил со свойственной ему добросовестностью и учтивостью, хотя и сам был ошеломлен неожиданным шквалом откликов.

Теперь, после насильственного расчленения Советского Союза, мы знаем, что не базы, не ракеты не полигоны, не танковые армии и не партия были главной силой государства. Этой силой, которая незримо скрепляла все обширное пространство державы и объединяла людей разных национальностей и вероисповеданий в один народ, считающий большую страну своей Родиной – главным сверхоружием страны выступал великий, мощный, правдивый и свободный русский язык. Недаром после распада Союза, первое, с чем стали беспощадно бороться в бывших братских республиках, – так это с русским языком, изгоняя его из общественной, политической и частной жизни. Но несмотря на то, что за силой, за последние полтора десятилетия урон был нанесен огромный – русский язык и поныне является цементирующей основой на подсознательном, на ментальном уровне соединяющей людей разных национальностей. Эта таинственная сокровенная власть языка не давала покоя Трубачеву последние десятилетия. Он много над этим размышлял, выступая, объясняя с разных трибун и на разных уровнях, что в языке – наша сила, единство, богатство, спасение и возрождение. Русский язык – это сокровище, данное Богом русскому народу. Он – главное богатство народа, условие его самостояния на земле и одновременно орган, формирующий его духовность и обеспечивающий иммунную безопасность. Когда-то Ломоносов в посвящении к своей «Грамматике Российской» написал: «Повелитель многих языков, язык Российский не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе».

Только сильный и правдивый язык способен создать сильное и обширное государство, скрепившее пространство и семьи. О глубокой и живительной связи языка и государства знали все великие строители державы, от Владимира Мономаха и Ярослава Мудрого, до Петра Первого и Иосифа Сталина, поднявшего страну на мировое лидерство из разрухи, хаоса, крови и воин. За год до смерти и после победы в Великой войне он написал классически ясную работу о языке и возвел языкознание в разряд государственно важных дисциплин. Отношение к русскому языку – та лакмусовая бумажка, которая выявляет истинные намерения политиков и правителей по отношению к своему государству и своему народу. Ответить на вопрос, каковы истинные намерения нынешних правителей России, сможет каждый, достаточно только оглянуться вокруг – взять в руки школьные учебники, заглянуть в газеты и журналы.

Недавно Олег Николаевич Трубачев ушел из жизни. Я посчитал своим дружеским и гражданским долгом написать статью о нем, о том, чем он жил, над чем работал, о чем размышлял и за что воевал. Работая над статьей, мне невольно пришлось расширить ее рамки, потому что, изучая материал, я понял, что, в судьбе академика Трубачева, как в зеркале, отразились судьбы не только его учителей и предшественников, но и та тайная, сокрытая от людских глаз беспощадная война, война на уничтожение, которая не одно столетие ведется против русского языка и его хранителей, его тайных стражей.

Все, чем занимался Олег Николаевич Трубачев и русисты-филологи, служившие Отечеству до него, только на первый взгляд кажется далеким и отвлеченным от насущных проблем сегодняшней жизни. Связь языка, народа и государства – глубинная и прямая. В полную силу живет язык – в полную силу живет народ, а значит, и держава.

Статья моя посвящена памяти Олега Николаевича Трубачева.

2. Знай свой род

Имя Олега Николаевича Трубачева, мирового авторитета в русистике и сравнительном языкознании, окрасило в славистике почти всю вторую половину XX века.

Он родился на Волге в Сталинграде. В разгар битвы ему, пятикласснику, пришлось две недели провести под сплошной бомбардировкой, которые он описал в школьном дневнике с поразительной стилистической точностью. Там, среди развалин Сталинграда, немецкая бомба накрыла в одной из щелей его деда-священника, отца матери Елены Николаевны, в девичестве Николаевой. Позже они выберутся из Сталинграда и в 1944 году переедут в Днепропетровск, где Трубачев закончит школу и университет. Отец его, Николай, будет работать врачом-рентгенологом. К своим родителям, замкнутый и сдержанный, Олег Николаевич относился с неизъяснимой нежностью. Свою первую крупную монографию в 1959 году «История славянских терминов родства» он посвятил родителям. Родство его волновало всегда, во всех степенях и измерениях.

Еще в университете Трубачев защищал сразу две дипломные работы, и обе темы занимали его потом всю жизнь. Главный дипломный проект назывался: «Общеславянская лексика в основном словарном фонде русского языка». Вторая дипломная работа защищалась по его личной инициативе на тему: «О болгарском возрождении – Христо Ботев, Иван Вазов». Шел 1952 год.

Новый русист сразу обратил на себя внимание своей целеустремленностью, честностью, глубокомыслием. Он отважно нырнул в бездонные глубины времени к первым векам славянства в поисках родства. В институте Славяноведения, куда он пришел аспирантом сразу после окончания университета, он блистательно защитил диссертацию на тему: «История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя». Всю жизнь Трубачев исследует термины родства на широком индоевропейском фоне и через родственные связи прикасается к первым словам общения славян.

Продвигаясь вглубь тысячелетий, Трубачев проявлял редкую остроту ума и находчивость. Его выводы ошеломляли, но и убеждали собратьев по цеху.

В 1966 году Трубачев удостоен степени доктора филологии за диссертацию «Ремесленная терминология в славянских языках». Его по-прежнему тянет к первоосновам бытия. За шесть лет до этого вышла его монография: «Происхождение названий домашних животных в славянских языках». Еще в 1960 году он публикует работу «Из истории названия каш в славянских языках». Ономастикой (гидронимией, топонимией, антропонимией) он занимается с охотничьим азартом, осмотрительно и с присущим ему тактом. Первую ономастическую монографию он пишет в соавторстве с нынешним академиком В.Н. Топоровым в 1962 году на тему «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья». Авторы особенно интересовали балто-славянские этноязыковые взаимодействия. Вопреки мнению, бытующему среди курортников с Рижского взморья, балтийцы не являются коренными насельниками Прибалтики. Туда их вытеснили славяне, когда застали балтийцев в Верхнем Поднепровье и на Валдае. В период тех контактов и возникло балто-славянское двуязычие. Но сами балты не были коренными жителями и Поднепровья. Трубачев выявил ономастические связи балтов с дако-фракийскими языковыми пластами Восточных Балкан, которые восходят к III тысячелетию до Р.Х.

Один из самых глубоких и проникновенных очерков посвятил творчеству Трубачева филолог-исследователь и историк религии Николай Лисовой. Мы воспользуемся частью его очерка, который он построил на изысканиях Трубачева. Тем самым мы призовем в соавторы и Лисового и самого Трубачева.

«Отец, мать, – пишет Лисовой, – исследованию этих важнейших понятий были посвящены первые параграфы книги. Характерно их неустаревающее патриотическое звучание. «Родители», «родичи» – корни, уходящие в родовую толщу славянского этногенеза. «Отец» – по грамматической форме слово это вообще не «существительное», а «прилагательное» – «отцов», принадлежащий к поколению отцов, принадлежащий в

конечном счете Отцу – Родоначальнику. Практически в слове «отец» заложена вся смысловая структура Отечества: рассматривать ли его в христианском измерении, где Господь научил нас обращаться к Богу «Отче наш!», или в древнем языческом. «Родой Славун» – «родун славян», как сказал бы Хлебников.

Типологически так обстояло не только у славян. Афиняне называли свою родину Аттикой. Что значит «Аттика»? Даже по звучанию это точно соответствует русскому «отеческая (земля)». Похоже, и готское имя гуннского вождя Аттилы имело такое же сакрально-патриотическое значение: Аттила-Батюшка.

Значит, в именовании «отечества» сквозят глубинные сакральные структуры, объединяющие как государственные, державностроительные, так и родовые, семейные отношения и понятия.

Почти сорок лет Олег Николаевич Трубачев возглавлял в институте русского языка на Волхонке отдел этимологии и ономастики, т. е. науки о корнях и именах... Здесь Трубачев получил всемирное признание, став крупнейшим этимологом века.

Николай Лисовой в статье «Знай свой род» продолжает: «Древний именослов и корнеслов таят множество неразгаданных тайн. Кто знает, какого корня, к примеру, русская кобыла? Многие ли узнают в ней древнюю фригийскую Матерь богов – Кибелу! Наша «верхняя», книжная культура этого не «помнит». Народные орнаменты помнят. Во многих музеях России хранятся деревенские вышитые полотенца с изображением языческой Конной Богини.

Кельтская Эпона, русская кобыла, древняя Кибела... знаменитые летописные дулебы? По всему славянскому миру, от сербской Дулибы до новгородской деревни Тулебля, от чешских Дулебов до московского микрорайона Жулебино – всюду встречаемся с этим выразительным славянским самоназванием. В словаре Даля «дулебая баба» значит «глупая, некрасивая, грубая». Но каково происхождение самого этнонима? Именно такими вопросами задается наука, по-гречески, этимология, по-русски, в старинных грамматиках «корнесловие».

Оказывается, как показал О. Н. Трубачев, дулебы – от герм. *daudbiba* – дословно «имущество, наследство умершего», «выморочная земля» (сравни известную русскую дворянскую фамилию Тотлебен – из немецкого *Tot-Itben*)...

Язык – дом бытия. И строится этот дом на добротной и прочной основе индоевропейского языкового мира и мирохозяйствования. По концепции Трубачева, праславянский язык – как и прагерманский, и праиталийский, и прахеттский, – исконно существовал как живой диалект в живом праиндоевропейском.

Сам «дом» – он всегда дом: что по-русски, что по-гречески, что по-латыни. Древние греки строителя называли вообще «дометр» и «дом» связывали с глаголом *demo* – строить, созидать. А римляне и Господа Бога называли *Dominus* – Домовладыка и хозяйку Домной. Кстати, наша «домна», в смысле доменная печь (первоначально «домная печь»), с домом, наоборот, никак не связана, лингвистически – она одного корня с дутьем и дымом.

Интересно, что сам глагол «строить» имеет параллель в латинском: *struere* (соответственно *structor* – строитель). Нам больше знаком этот термин в поздних заимствованиях «структура», «конструкция». Но в случае слова «строитель» мы имеем право говорить об исконном родстве, а не заимствовании. Просто славяне и древние италики (вовсе, впрочем, не жившие еще тогда в Италии) обитали когда-то (четыре тысячи лет назад!) по соседству и соответственно «строили» и свой дом, и язык, и быт в буквальном смысле параллельно. Где-то рядом жили и германцы, с которыми в области строительства у нас тоже немало сходства: немецкий *Haus* и русская «хижа», русский «тын» и английский *town*. А название «дома Божия», хотя и гораздо более позднее, но – что тоже вполне не случайно – вообще у всех одно: Церковь, *Kirche*, *Church*...

Много неожиданностей открывают в нашей древней культуре описанные Олегом Николаевичем конкретные строительные термины. Назидательно, например, само слово «созидатель» (однокоренные: здание, зодчий). Древнерусский термин «зидати» означает

«строить, возводить дом, стены из глины или камня». Но первоначально все-таки из глины: польское слово «здун» сохранило значение «гончар».

Впрочем, ни каменное, ни даже глинобитное строительство не было исконным для наших предков. Славяне до самого последнего времени жили, шутит ученый, в «деревянном веке». И в деревянном жилище ничего нет худого и зазорного – наоборот, здоровее. Главным исходным термином было при этом слово «сеч» (секу). Тут уместно вспомнить и пасеку, и просеку, и Запорожскую Сечь – все слова, относящиеся к рубке леса, очистке площади от деревьев. А позже – и «сына секу», в смысле «строю, воспитываю».

«Мы невольно увлеклись, – пишет Николай Лисовой, – пересказом интереснейших этимологических и семасиологических экскурсов Олега Николаевича Трубачева – преимущественно по его книгам «Ремесленная терминология в славянских языках» и «Этногенез и культура древнейших славян». А ведь это только фрагмент, хотя и значительный, «русской картины мира», фрагмент, ярко демонстрирующий, насколько тесно и многообразно сопряжена она, эта картина, с соответствующими традициями германских и романских народов, кельтов и греков, – в конечном счете древнейших наших праотцев – индоевропейцев».

Мы разделяем, разумеется, мысль Лисового о том, что нынешней моде на разделение и «суверенитеты» Трубачев противопоставляет то, что нашло отражение в одной из последних его работ «В поисках единства». Ученый озабочен прежде всего поисками единства восточных славянских братьев, при всей сложности языковых и культурных диалектных членений и племенных миграций. Он-то знает, что три славянских православных народа-брата никогда не были окружены дружелюбными соседями. Сегодня давление на их исконные земли от Балтики до Владивостока и Курил будет только нарастать. Трубачев не уставал говорить и писать о единстве Руси – Великой, Малой, Белой, братьев русских, украинцев, белорусов. Единства, завещанного еще Нестором-летописцем: «а русский язык – словенск». Никто в мире лучше Трубачева и глубже его не постигал известного науке положения о том, что и русский и белорусский и украинский язык произошли от одного языка – древнерусского. Этому были посвящены связанные преемственностью темы и нравственного пафоса выступлений Трубачева на всех Праздниках славянской письменности и культуры. Две сверхтемы прошли через всю жизнь академика Трубачева – это поиск славянской индоевропейской прародины и реконструкция духовной прародины родного народа – сокровенного ядра славянской культуры. Сам Трубачев выразил это чеканно: «Реконструкция древней культуры – это реконструкция духа культуры».

Но все же если обобщить и коротко сформулировать суть того, чем занимался академик Трубачев всю свою жизнь, то легко можно выделить главное. А главное заключается в том, что Трубачев гениальными мазками воссоздает «русскую картину мира». Говоря словами Пушкина, в «дыму столетий» он пытается распознать труды, пути и верования родного народа.

С сожалением думаю, что сегодня ни писатели с разжиженными от художественного вымысла мозгами, ни их расслабленные от «фикшн» (вымысла) читатели не способны проникнуться и оценить суровую поэтику трудов Трубачева, требующих духовной собранности и умственного напряжения. Олег Николаевич Трубачев, замкнутый, нелюдимый, кабинетный ученый, занимался не только этимологией. С долгим дыханием марафонца, как подобает доброму словарнику-лексикографу, Трубачев оживлял тысячелетние корни родного этноса, боролся вдохновенно за его достоинство на земле и правду его жизни.

Трубачев непрерывно сражался. Он был настоящим бойцом, солдатом русской культуры. И в этом нет преувеличения. Война в науке, и особенно в гуманитарной, идет день и ночь, год за годом много столетий. Война идет за первородство, за истоки, за территорию. Горе зазевавшимся или утратившим инициативу.

Трубачев утвердил за славянским сообществом прародину на Среднем Дунае. Противников он разбивал одного за другим доказательно и остроумно. Как он сам писал: «В древней Европе, к югу от Карпат фактически не осталось для славян места. Ученые немецкой школы дисциплинированно принялись подыскивать место славянам в болотах Припяти. Это совпало со временем, когда поляки стали «тащить одеяло» только на себя, выдвигая теории славянского автохтонизма в пределах Вислы и Одера».

Незадолго до кончины Олег Николаевич Трубачев подготовил свою последнюю работу для доклада на XIII Международном съезде славистов в Любляне в 2003 году. Работа эта называлась «Опыт этимологического словаря славянских языков (ЭССЯ): к 30-летию начала публикации (1974-2003)». Словарь в языковедческом просторечии «ЭССЯ» стал делом жизни Трубачева, гигантским трудом, не имеющим прецедента в этимологической лексикографии мира. «Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд» выдержал 28 выпусков при жизни Трубачева – его создателя и вдохновителя. Если учесть, что еще два тома тогда уже были готовы к выпуску, то получается по тому в год в течение тридцати лет!

На самом деле Олег Николаевич работал над словарем к тому времени уже более сорока лет. В 1961 году глава всей Российской филологии академик Виноградов предложил Олегу Николаевичу, 31-летней восходящей звезде языкознания, возглавить в Институте русского языка сектор этимологии и ономастики. Как пишет самый осведомленный лексикограф, доктор филологических наук Галина Александровна Богатова, соратница и супруга Олега Николаевича, «из четырех десятков лет работы над словарем (с 1961 г.) подготовительный этап занял 14 лет, в том числе два года потребовалось на выработку концепции, реализованной в составленном лично Олегом Николаевичем проспекте, который и определил дальнейший ход осуществления замысла».

Доктор филологии Богатова хорошо знает глубину и объем работы над словарями, требующими марафонского дыхания и самодисциплины. Она сама много лет издает «Словарь русского языка XI–XVII веков». 1961 год – это год перехода Трубачева на работу в Институт русского языка. Пригласил Трубачева тот же патриарх русской филологии академик Виноградов.

3. Святые от науки

Сегодня Институт русского языка носит имя великого филолога Виктора Владимировича Виноградова. Его в свое время привлек в науку великий русист Алексей Александрович Шахматов, который поражал весь филологический мир России своими феноменальными познаниями. Он возглавлял Отделение русского языка и словесности в Академии наук до кровавого революционного переворота. Правдоискатель и великий ученый Шахматов ушел из жизни в 1920 году, подготовив себе смену – будущего академика Виноградова. Последний пригласит в Институт русского языка Трубачева, распознав его необъятные силы. Незримая духовная нить связывала их всех. Супруга Трубачева, лексикограф Галина Александровна Богатова, как-то застала дома Олега Николаевича, который со слезами на глазах «дочитывал книгу о последних днях русиста Шахматова». Они знали друг о друге нечто неведомое.

В биографии Виноградова ее автор В. И. Аннушкин пишет: «Чем больше проходит времени, отделяющего нас от тех лет, когда жил и трудился Виктор Владимирович Виноградов, тем больше его имя, биография и труды приобретают ореол научной святости».

Понятно, что хотел выразить биограф, но все-таки уместно уточнить, что слово «научное» не сочетается со словом «святость». Святость она или есть, или ее нет. Думается, не бывает ни «научной святости», ни инженерной святости, ни врачебной или музыкантской – она не сопрягается с профессией или ремеслом. И все-таки мы благодарны автору за слово «святость». Имею дерзновение утверждать, что жизни Виноградова, близкой по страданиям к новомученическому подвижничеству, подходит слово «святость» без определения «научной».

В бурном и смутном 1917 году Виноградов одновременно и с блеском заканчивает сразу два института при Петроградском университете – историко-филологический и археологический. Виктор Владимирович вышел в жизнь в 1917 году и до самой смерти – в 1969 году – он будет жить под прессом нового режима, пройдет через аресты и ссылки, и даже в последний год жизни, будучи всемирно признанным ученым, академиком, не избежит мстительных когтей режима, который не простит ему духовной силы и величия. Обычно биографы сухо и почти мимоходом отмечают, что в 1919 году Виноградов Советом Археологического института удостоен золотой медали за работу «О языке и орфографии «Жития Саввы» по пергаменной рукописи XIII века». Но эта золотая медаль 1919 года, года «окаянных дней», нестерпимого голода, тифа, холода, обысков, расстрелов, стоит десятков нобелевских премий, и как ничто другое характеризует благородство, бескорыстие, мужество этого неистребимого племени русских подвижников духа. Всех. И того, кто удостоился награды, и тех, кто ее присуждал в кровавом девятнадцатом году.

Атмосфера 1919 года растянется для Виноградова на всю жизнь. Вскоре он напишет работы: «О самосожжении у раскольников старообрядцев (XVII–XIX вв.)» и одновременно «Исследования в области фонетики северорусского наречия». Несколько позже в начале 20-х будут изданы работы Виноградова: «Наблюдения над стилем Жития протопопы Аввакума» (1923), «Гоголь и натуральная школа» (1925); «О поэзии Анны Ахматовой» (стилистические наброски) (1925); «Проблема сказа в стилистике» (1925); «Этюды о стиле Гоголя» (1926); «О художественной прозе» (1930). Каждая статья Виноградова, молодого ученого-словесника из горсточки самых незащищенных членов общества, является не только блестящим научным исследованием, но и дерзновенной манифестацией негибкости русских духовных начал.

Люди, занимавшиеся в XX веке в России родным языком, словесностью, славяноведением, лексикографией, делали в конечном итоге это во имя русского языка, как суммарного выразителя духовной жизни народа. В этой связи будет уместным все это братство филологов называть русистами. И, смею утверждать, что именно в этом качестве они были неприемлемы для власти, какие бы ярлыки на них ни вешали.

Русисты не могли уйти в подполье, но постоянная враждебность и репрессивные акции не могли не породить и у них аскетической отстраненности и некоторого отшельничества в миру. Русисты невольно сплывались, как товарищи по бедствию, и выработали этику сопротивления, с пониманием своей особой миссии в России.

Упомянутый автор очерка о Виноградове В. И. Аннушкин невольно отмечает это явление, когда характеризует жизнь Виноградова: «Итак, стиль этой жизни состоял в безусловном научном отшельничестве – ежедневном и еженощном труде за письменным столом, и в то же время – в создании научной общности, объединяющей людей служением одному богу – русскому языку».

Современники поразились цельности натуры Виноградова и признавали, что при любых гонениях «Виноградов в 20-м году похож на Виноградова конца 60-х». Когда за год до смерти интриганы-коллеги в Академии наук СССР заблокировали его при выборах на должность академика-секретаря, он как патриций вовсе отстранился от этой склочной академической мелкоты и уволился с должности директора Института русского языка, который теперь носит его имя. Не зря товарищи писали о «познавательном максимализме» Виноградова. Он никогда не был теплохладным.

В том самом 1919 году очумелые безбожники в Киеве провели на Михайловской площади сатанинское действо. Украшением площади с 1911 года была величественная скульптурная группа: в центре – апостол Андрей Первозванный и равноапостольная княгиня Ольга, по бокам – святые первоучителя, братья Солунские, Кирилл и Мефодий. Атеисты водрузили вместо фигуры княгини Ольги бюстик поэта Шевченко, а остальные фигуры, на радость комбедовской черни, заколотили досками. В 1923 году фигуры всех этих святых снесли с лица земли. Так началась травля славистов и упразднение кирилло-мефодиевских обществ и комиссий по всей советской стране. Большевики подбирались к духовной твердыне русистов – Отделению русского языка и словесности (ОРЯС) в Академии наук, готовясь упразднить и его. На защиту ОРЯС выступил в 1925 году выдающийся русист-академик М. Н. Сперанский. Он подал «наверх» записку с расстрельной инициативой, в которой заявлял властям: «Вот уже шесть лет, как систематически уничтожается все русское, все национальное, как разрушаются все культурные и духовные ценности, тысячелетия русской исторической жизни, когда русское имя вычеркнуто даже из названия государства, в такое время исключение из списков Академии наук русского отделения несомненно будет встречено в известных сферах с нескрываемой радостью и удовлетворением».

Академик М.Н. Сперанский обратился в правительство в 1925 году на юбилейной волне. Российская Академия наук отмечала 200-летие со дня основания. Базировалась она в Петрограде, на бывшей Николаевской набережной в доме, построенном Ден. Филипповым в 1806 году.

Академия наук, основанная Петром Великим, высилась на разрушенном большевиками ландшафте все еще неприступной крепостью со своим этикетом и традициями. Конференцию Академии наук (то, что теперь называют «Общим собранием») составляли все действительные члены. К 1925 году их было сорок два академика. Президент – А.П. Карпинский (избран в 1917 г.), вице-президент Академии В.А. Стеклов (1919 г.) и неперменный секретарь – С.Ф. Ольденбург (1904 г.). Конференция разделялась на три отделения: физико-математических наук, Отделение русского языка и словесности и Отделение исторических наук и филологии. Нас, разумеется, интересуют ОРЯС – Отделение русского языка и словесности.

Состав Академии показывал, что русская наука, как и Российская империя в целом, до февраля 1917 года находилась в состоянии мощного подъема во всех сферах жизни и, по оценкам крупнейших экономистов, к 1950 году по экономической мощи Россия обогнала бы Европу с населением в 450 миллионов человек.

В составе Отделения физико-математических наук тогда числились такие светила, как великий физиолог И.П. Павлов (1907), геолог А.П. Карпинский (1886), математик В.А. Стеклов (1910), минеролог А.Е. Ферсман (1911), зоолог А.Н. Северцов (1920), физик А.Ф.

Иоффе (1926), ботаник В.Л. Комаров (1920), который будет возглавлять Академию наук во время Великой Отечественной войны, ботаник С.П. Костычев (1923). Как видите, все имена хрестоматийные из школьных учебников. В Отделении исторических наук и филологии гремят имена индолога С.Ф. Ольденбурга (1900), яфетидолога Н.Я. Марра (1909), историка Востока В.В. Бартольда (1913), арабиста Н.Ю. Крачковского (1921), историка России С.Ф. Платонова (1920). Последнего в должности академика-секретаря Отделения гуманитарных наук в 1929 году арестуют и придумают для него заговор с целью создания фантастического «Всенародного Союза Борьбы за возрождение свободной России». По «делу Платонова» будут арестованы более ста ученых.

Интересующее нас Отделение русского языка и словесности составляли десять академиков из сорока двух – четверть состава. Есть смысл привести их список целиком: А.И. Соболевский (1900) – русский язык, В.М. Истрин (1907) – русский язык, В.Н. Перетц (1914) – русская литература, Е.Ф. Карский (1916) – русский язык, Н.К. Никольский (1916) – русский язык, М.Н. Розанов (1920) – западноевропейская литература, М.Н. Сперанский (1921) – русская литература, П.А. Лавров (1923) – славяноведение, Б.М. Ляпунов (1923) – русский язык, Н.П. Лихачев (1925) – русская история.

Все, как один, состоялись как ученые при благословенном царизме, все переступили порог Академии, когда она еще называлась «Императорской». Перед такой традицией большевики – эти полуграмотные провинциалы в кожанках чувствовали себя неуверенно, и особенно злобились.

Помимо академиков, в составе Академии числились и члены-корреспонденты, живущие в Петрограде. Это были такие выдающиеся ученые, как адмирал-географ Ю.М. Шокольский (по матери Керн), ботаники В.Н. Сукачев и Н.И. Вавилов, славист К.Я. Грот, востоковед И.А. Орбели и дети академика-слависта Измаила Ивановича Срезневского – О.И. Срезневская и Вс.И. Срезневский – оба проходили по разделу «русская литература».

Тогда, в человеконенавистнические 20-е годы, эти сорок два действительных члена Академии наук оказались в духовно-нравственном отношении неизмеримо выше тех трехсот членов Академии наук СССР, которые смогли в 1969 году, тайно сговорившись, заблокировать, в угоду злым силам, такую личность, как академик Виноградов, подтолкнув его к могиле. Большая часть из перечисленных ученых и по сей день воспринимается совестью русской науки и гордостью нации.

Разделавшись с историками по «делу Платонова», власть взялась за русистов, которые давно были у нее костью в интернациональном горле. Органы насилия не простили академику М.Н. Сперанскому его записки 1925 года, и охота на русистов началась. Дождавшись голода 1933 года, с его ужасами каннибализма и истощения, власть взялась за самых талантливых русистов. В конце 1933 года были арестованы М.Н. Сперанский, Г.А. Ильинский, Н.Л. Туницкий, А.М. Селищев, В.Ф. Ржига, И.Г. Голанов, П.А. Расторгуев, В.Н. Сидоров, Ю.М. Соколов, А.Н. Павлович, Н.И. Кравцов, В.В. Виноградов. Все они составили бы гордость науки любой нации. В ГПУ придумали легенду о связи «группы Сперанского» с несуществующим «Венским центром» только потому, что в Вене нашел прибежище крупный ученый-русист князь Н.С. Трубецкой. «Связным» ГПУ назначило несчастного русиста Н.Н. Дурново. Потомственный дворянин Дурново при любых обстоятельствах для властей был бы виновен. В 1924 году Н.Н. Дурново уехал в научную командировку за границу. Окрыленный безопасностью и библиотеками, Дурново написал в Праге главный труд жизни: «Введение в историю русского языка». Он не заметил за работой, как вместо четырех месяцев прожил в Праге почти четыре года. Тоска по семье и родине привели его снова домой в недобром 1928 году. Началась для Н.Н. Дурново полоса арестов, пока он не был в 1937 году расстрелян на 62-м году жизни.

Николай Туницкий (1878–1934), который даже в 1918 году сумел издать в Сергиевом Посаде книгу «Материалы для истории жизни и деятельности учеников свв. Кирилла и Мефодия», сразу по выходе из заключения в 1934 году покончил с собой.

Академика Г.А. Ильинского, автора опубликованной в 1916 году «Праславянской грамматики», отправили на Соловки. Позже выслали в Западную Сибирь, там и расстреляли в 1937 году.

А.М. Селищев в 1937 году после Карлага подготовил три тома «Славянского языкознания», но успел издать только первый том. Вторая и третья книги после смерти в 1942 году Селищева бесследно исчезли.

М.Н. Сперанский после ареста избежал ссылки. За него ходатайствовал брат, который лечил детей партийных бонз. Тюрьма не могла не сломить семидесятилетнего ученого, тем более после ареста ему запретили публиковаться. Он умер в 1938 году.

В.В. Виноградов был в числе мучеников-русистов. Перед арестом он вместе с Н.Н. Дурново писал книгу по истории русского литературного языка для «Учпедгиза». Виноградов активно участвовал в работе над «Толковым словарем русского языка» под редакцией Дмитрия Николаевича Ушакова. Он был одним из составителей первого тома. Честный Ушаков добился приема у Председателя правительства Молотова, но тот даже не разрешил ему упоминать при издании имя Виноградова. Перед ссылкой в Вятку (Киров) жена Надежда Матвеевна передала Виноградову однотомник Пушкина. И он за три дня написал в «одиночке» статью о «Пиковой даме». Два года прожил в Вятке Виноградов, снимая комнатку у железнодорожного токаря. Позже ему разрешили выбрать поселение за сотым километром от Москвы. Виктор Владимирович выбрал Можайск. Вскоре Виноградов посылает две свои книги на имя Сталина и просит разрешения вернуться в Москву. Шел 1938 год. Власти было не до вражды с историками и русистами. Схватка с нацистской Германией была неизбежна, и на повестку дня встал вопрос о мобилизации всех ресурсов русского народа. В 1938 году выходит книга жизни Виноградова – «Современный русский язык».

В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, Виноградов записался в ополчение, но был комиссован по состоянию здоровья. Здесь выяснилось, что Виноградов по беспечности не снял судимость. Столица была на осадном положении. Лица с судимостью подлежали высылке. Виноградову предложили выбрать место высылки. Он выбрал Тобольск. Туда из Омска перевели Педагогический институт. В Тобольске было голодно – карточки, теснота, холод, дурные вести с фронтов. На берегу Иртыша он пилит дрова для института. Работает над статьей «Из истории русского слова и русской мысли». Не хватает среды для общения. Сам признавался, что «служил русскому языку всем сердцем и всеми помыслами». Именно это подвижничество окружало его неприступной аурой, которая спасала всю жизнь, полную непрерывных преследований. Ю.В. Рождественский заметил о Виноградове: «Он был счастлив этой своей любовью к языку и этой незримой родственной связью со всем, что есть русского. Каждая строчка его трудов и каждое слово говорят об этом». Но его мучило одиночество, и тоска сжимала сердце. В одном из писем из Тобольска он написал: «хочется поговорить с кем-нибудь о русском языке».

Там, в Тобольске, в 1943 году он на победу под Сталинградом откликнулся работой: «Мощь и величие русского языка». На следующий год, когда прозвучал новый гимн о том, как народы «сплотила великая Русь», работа Виноградова вышла под названием «Великий русский язык». Он-то лучше всех в стране знал о единстве языка и народа, и выразил это в следующих словах: «Язык – не только мощное орудие культуры, не только важнейший фактор духовного развития нации, но и очень активная и выразительная форма национального творчества, национального самосознания».

Последние два слова «национального самосознания» особенно драгоценны для нас и являются ключом к победному разрешению всех политических, социальных и духовных задач. По существу, все войны со времен неолита между племенами, народами и нациями идут за самосознание, или, выражаясь научно, за самоидентификацию. Кто мы в этом мире? Что мы наследуем? Какова наша миссия на земле? Кто нам готовит удар в спину? Сильна ли наша вера? Гибок ли и могуч родной язык? Целомудренны ли наши девушки?

Мужественны ли и честны мужчины? – Вот первые вопросы самоидентификации, которые ставит себе и решает каждый гражданин и более других глава государства и его дружина.

Самоидентификация – смысл существования всех ветвей власти.

Именно самоидентификация подвергается массированному и тайному штурму всеми видами информационного оружия днем и ночью. И в мирное время сильнее, чем в войну. Сталин выиграл войну с нацизмом потому, что и в мирное время и в войну воспринимал себя не только главой государства, но прежде всего вождем информационно-идеологического противоборства. Он был режиссером всех фильмов и спектаклей, редактором всех учебников и передач.

Никто в стране лучше Сталина не мог оценить мысли Виноградова о языке: «Мощь и величие русского языка, – писал Виктор Владимирович, – являются неоспоримым свидетельством великих жизненных сил русского народа, его оригинальной и высокой национальной культуры и его великой и славной исторической судьбы».

Носитель таких мыслей не мог остаться в тени главы воюющей державы, у вождя, который знал, что укорененное самосознание и есть подлинное сверхоружие.

Виноградов был востребован из бывшей столицы Сибири, избран действительным членом Академии наук, назначен директором института, словом, сделан по стилю тех лет вождем языкознания.

Он же, Виноградов, со знанием дела утверждал: «История русского литературного языка уясняет и причины его преимущества перед западноевропейскими языками».

Деграция Западного христианского мира, и нас сегодняшних в том числе, происходит от того, что ни у нас, ни в Америке, ни в анемичном и дряблом Европейском Союзе (кроме Японии и Китая) нет ни одного правителя или партии, которые смыслом своей деятельности сделали бы борьбу за самоидентификацию, за дух и веру. Они одели всех женщин в одинаковые джинсы, сделали всех «мужичками» с мыслями не о детях, а о плебейских благах. Язык сделали птичьим, с убогим набором слов. Борьба за то, чтобы лишить народ самосознания, а значит, и боеготовности и трудоспособности, идет днем и ночью. Прежде всего чужими бубонными словечками вроде «шоу», «имидж», «саммит», «ток-шоу» нам внедряют чужие ценности, чужие мысли и слова. Чтобы сделать человека податливым к внушению, его развлекают, внушая дуракам, что смех якобы продлевает жизнь. На самом деле смех вреден для здоровья и опустошает душу. Смешливость – верный признак вырождения, потому быдло так любит эстраду. Информацией о катастрофах разрушают духовную собранность. Передачи о преступности призваны создать вместо традиционной культуры и самобытных православных ценностей новую уголовную субкультуру индивидов, не способных отличить добро от зла. Особенно стараются медиа-сексострадалцы – оголить, разоблачить, упростить одежду женщин. Одежда, как и этикет, показатель ранга. Реклама есть абсолютная форма насилия и призвана уничтожить личность.

Словом, все ценности современной жизни – от детских садов, школ и вузов до парламентских палат и всех ветвей власти – враждебны жизни, и находятся в противоречии с духом и законами развития языка.

Вот что Виноградов писал о таинственной жизни языка: «При изучении конкретной истории отдельных слов и выражений обнаруживаются те разнообразные ручьи и потоки, которые с разных сторон – из глубин народной жизни и устного народного творчества, из быта и культуры разных социальных слоев общества, из разных областей профессионального труда – несут новые формы выражения и выразительности, новые мысли и предметы, новые слова и значения в море литературного языка».

В этом изложении весь Виноградов как стилист, как человек и гимнограф русского языка. Значительная и обширная мысль выражена в одном предложении, как в литургическом распеве.

Виктор Владимирович не употребил этого слова, но речь идет об аристократизации языка, о том, как он, вбирая в себя все потоки говоров и наречий, диалектов, возрастая и таинственно совершенствуясь, вырабатывает литературный язык. Смысл жизни языка,

говоря словом самих языковедов, в аристократизации языка. Тайная, глубинная связь языка и породившего его народа заключается в том, что *аристократизация* жизни – ее непрерывное физическое и нравственное совершенствование – единственный смысл пребывания и самого народа на земле. Мужественно и правильно, а не слезливо понятое учение Спасителя есть высочайшая форма аристократизации жизни. Атеисты – это отступники, дезертиры, не выдерживающие этого испытания духовной дисциплиной. Виноградов глубоко осмысленно употребляет в заключение слова: «в море литературного языка». Язык – это море, глубокое и таинственное.

Виноградов оставил после себя 30 томов, каждый по 700–800 страниц. Это не считая работы по составлению 4-томного словаря Пушкина, редактирования 17-томного «Словаря современного русского языка» и участия в 4-томном «Толковом словаре русского языка» Ушакова и прочая и прочая...

4. «Мы от рода руска»

«Мы от рода руска» Олег Николаевич Трубачев напрямую не был учеником Виктора Владимировича Виноградова, но он считал себя его духовным наследником и продолжателем его дела, как и последователем другого выдающегося филолога Макса Фасмера.

Макс Фасмер – одна из самых знаменательных фигур русской науки, связавшая и скрепляющая собой великий разлом русской истории. Он – из тех германцев, которые оказались благословением русской истории со времен, когда боевые послы киевских дружин, гордо ответили в Царьграде императору ромеев: «Мы от рода руска».

Максимилиан Романович Фасмер (1886–1962) в 1919 году благополучно укрылся от большевиков в городе Дерпте (ныне Тарту), основанном в XI веке Ярославом Мудрым и названном Юрьевом. В 1921 году он переедет в Германию. Трубачев в одной из работ назовет его «великий Фасмер», и ни один ученый в мире не стал бы это оспаривать. В другой раз Трубачев скажет: «Русская классическая русистика и славистика имеет право считать М.Р. Фасмера своим, и это не парадокс, а феномен сложной культурной истории». Под сложной культурной историей на языке иносказаний русист Олег Николаевич имеет в виду время, когда «воинствующие безбожники», как называли себя горделиво сатанисты-революционеры, без суда и следствия расстреливали выдающихся ученых. Сейчас говорят «в наше непростое время».

Как ученый, Фасмер состоялся до 1917 года. Он происходил из семьи богатых и именитых немецких купцов-промышленников. Его отец переселился в Россию молодым человеком. Макс Фасмер закончил в Петербурге классическую гимназию в 1903 году. В университете учителем Фасмера по славистике был выдающийся языковед Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ, потомок иерусалимских королей времен первых крестовых походов. Потомок рыцарей-крестоносцев прививал Макс Фасмеру бесстрашие в отыскании научных идеалов. В эти годы Бодуэн де Куртенэ работал над редактированием и изданием 3-м и 4-м (1903–1909 и 1912–1914) Словаря Даля. По подсчету самого Бодуэна де Куртенэ, он увеличил объем Словаря Даля на двадцать процентов, добавив туда политическую злободневную лексику и «неприличные» слова. Это вмешательство не всегда было оправданным, но словарь третьего и четвертого издания не без оснований стали именовать «Бодуэновский Даль». Эти издания вновь увидели свет после 1991 года. Русский язык, следует заметить, выдержал в XX столетии три разрушительные атаки на себя, и все они совпали с революциями (1905, 1917 и 1991). Эти три революции с точки зрения языка были антирусскими, их вдохновители поднятыми со дна общества мутью, сквернословием и нечистотами пытались упростить и унижить высокий строй литературной речи. Макс Фасмер создаст со временем свой «Этимологический словарь русского языка» и восстановит внутреннее достоинство языка.

Олег Николаевич Трубачев, который будет редактором Фасмеровского «Этимологического словаря русского языка», оценивая жизненный путь Фасмера, остается на позициях прежде всего русиста. Он пишет: «По рождению, по культуре, приобретенной в детстве, по образованию он был русским человеком, ученым, сохранившим верность русской теме до конца. Он был филологом русской школы, раскройте его словарь (Этимологический словарь русского языка), и вы увидите, как много места отведено там диалогу с ее светилами – с Шахматовым (с которым он чаще расходится в толкованиях), с Ильинским (к которому бывает настроен критически), с Соболевским (многие конкретные суждения которого нередко принимает)».

Фасмера вскоре приглашают в Берлин на должность профессора. Для мира славистики это своеобразное «коронование». Берлин тогда именовали центром славистики в мире.

До переезда в Берлин, еще в 1923 году, выходит поразительная по эрудиции и смелости работа Фасмера «Иранцы на Юге Руси». В ней он очертил северные границы расселения ираноязычных скифов и сарматов. Контакты между славянами и ираноариями

веками были глубоки и духовно интимны. Слово «Бог» в русском языке иранского происхождения. Имя славянского бога Сварога имеет индоарийское происхождение. «Сварог» на санскрите значит небо. Даже этнонимы «серб» и «хорват» имеют иранское происхождение. Трубачев продолжит эту тему и у него появится книга «Индоарика в Северном Причерноморье».

Независимость суждений была одной из сильных черт благородного Фасмера. То, что в науке называют объективностью, имеет истоком правдивость, характерную для старой русской научной школы.

Фасмер состоял членом-корреспондентом АН СССР с 1928 года. Это избрание было одним из признаков обособления Академии наук от большевистской власти. В Академии все еще не было коммунистов, и все филологи были императорского производства и сопротивлялись расчеловечиванию родного народа. Сам Фасмер говорил: «О составлении «Этимологического словаря русского языка», как о главной цели своей научной деятельности, я мечтал еще во время первых исследований, посвященных влиянию греческого языка на славянские (1906–1909). Недостатки ранних работ побудили меня в дальнейшем интенсивнее заняться изучением славянских древностей, а также большинства языков соседних славянских стран». Это написано 64-летним Фасмером в 1950 году в предисловии к первому тому «Этимологического словаря русского языка». Перед этим в войну фугасная бомба испепелила всю его библиотеку с драгоценной картотекой. Фасмер проявил невероятное терпение и мужество и восстановил в одиночку картотеку.

В 1958 году издательство «Карл Винтер» в Гейдельберге завершило издание Словаря Фасмера. После его приезда в Москву в том же 1958 году на IV Международном съезде славистов возникла идея перевода Словаря на русский язык. В 1959 году Словарная комиссия Отделения литературы и языка одобрила издание Словаря Фасмера на русском языке. (Слово «русский» убрали из названия Отделения, как и слово «словесности».) Раньше аббревиатура выглядела как «ОРЯС» – «Отделение русского языка и словесности». Теперь название лишили природных корней на путях безбожного расчеловечивания и стало «ОЛЯ», т. е. Отделение литературы и языка – неведомой литературы и неопознанного языка. Словом, борьба идет на всех уровнях.

В 1962 году не стало великого Фасмера. Еще в 1959 году Отделение литературы и языка Академии наук Союза Советских Социалистических республик (обратите внимание – в девяти словах названия нет ни слова, указывающего на национальную принадлежность Отделения Академии и государства), поручило 28-летнему молодому кандидату филологических наук Олегу Николаевичу Трубачеву отредактировать, перевести и издать «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера.

Трубачев работал над словарем Фасмера с тщательностью, и точностью, которой позавидовал бы любой немец, а может быть, и сам Макс Фасмер. Правдивость, сжатость и ясность его письма были сродни благочестию.

Трубачев в одиночестве выполнил работу по редактированию 4-томного Словаря Фасмера за фантастический короткий срок – с 1959 по 1961 год. Издание же его затянулось с 1964 по 1973 год. Выход в свет Фасмеровского «Этимологического словаря русского языка», по мнению ученых, стимулировал русистику и сравнительное славянское языкознание в нашем отечестве.

«По подсчетам одного немецкого рецензента, – пишет Л.А. Гиндин, – дополнения О.Н. Трубачева составили больше чем одну треть по сравнению с немецким оригиналом. Таким образом, русское издание с полным правом может именоваться Фасмер–Трубачев».

Кроме Трубачева, никто в России не смог бы тогда отредактировать и издать величественную работу Фасмера.

5. Тайная стража

Тайная стража Создание словаря – одна из вершин научного подвига филологов. Не менее важно осмыслить подвижнический путь предшественников. Замечательная книга «Отечественные лексикографы XVIII–XX веков» стала личным подвигом доктора филологии Галины Александровны Богатовой, супруги и сподвижницы Олега Николаевича Трубачева. С момента выхода в свет «Отечественные лексикографы» сразу же стали библиографической редкостью. Галина Александровна написала предисловие к книге и поместила в нее два своих исторических очерка, посвященных лексикографом Березину и академику и первому слависту Руси, своему земляку, рязанцу Измаилу Ивановичу Срезневскому. С предисловием к «Отечественным лексикографам» выступил и сам академик Трубачев.

Книга повествует о всех выдающихся русских лексикографах, начиная с Ломоносова, о котором великий Сергей Аксаков сказал «он дал нам язык», и Государственного секретаря времен императора Александра Первого вице-адмирала Шишкова, вдохновенного апостола русского слова. Адмирал-языковед, который сам писал все военные царские манифесты 1812 года, утверждал: «Язык – есть мерило ума, души и свойств народных». Мудрый адмирал относился к языку с религиозным рвением и неоправданные заимствования из чужих языков воспринимал, как злую разрушительную ересь, сравнимую с чужеземным вторжением.

Манифесты адмирала Шишкова, по словам Сергея Аксакова, «действовали электрически на целую Русь» и гремели по стране: «Народ русский! Храброе потомство храбрых славян...»

На бюсте адмирала Шишкова в Академии наук, которую он возглавлял четверть века, золотом будут выбиты пушкинские строки:

Сей старец дорог нам; он блещет средь народа
Священной памятью двенадцатого года.

«Отечественные лексикографы» не могли обойтись и без «правдивого Даля», и благородного академика К. Грота, и вдохновенного подвижника Шахматова, и всех тех, кто завещал нам беречь русский язык – главное богатство России. Можно вспомнить имена Ломоносова, Державина и Пушкина, которые начинали свое поприще в период угнетенности родного языка чужебесием полуобразованных дураков, визжащих от тогдашних предшественников современных «битлов», которых, кстати, композитор Свиридов назвал «исчадием ада». Тогдашняя отечественная элита также плебейски-подобострастно мяукала, как это делает нынешняя – заимствованиями типа «шоу», «саммит», «бизнес», «сити», «киллер». Но если тогда дворяне могли отдать жизнь за личную честь и Россию, то теперь лают по-западному сплошь дети комбедовцев и воров, коррупционеров и казнокрадов. Потому русисты поколения Трубачева, начиная с 1991 года, много раз пытались через Думу выработать Закон о русском языке для того, чтобы вывести язык из-под гнета воровской лексики «новых русских».

Все русисты ведут непрерывные боевые действия за чистоту русского языка против чужеземных вторжений. Война за язык – есть прямая война за русский народ, за его русское государство. Они знают, что состав и строй языка прямо влияют на духовный мир человека, на строй его мыслей и поступков и даже на его осанку, походку и психику. И если «язык наш изобилен, великолепен, краток, силен, составлен умом любомудрым из слов и выражений, богатых разумом», как писал в XIX веке вице-адмирал Шишков, то таков был и русский человек, веками вырабатывавший родной язык – главное богатство и оружие Отечества...

Даже последнему взяточнику в «правлящем классе» и любому новоявленному олуху из политологов известно, что какова школа, такова и армия. Что Вооруженные силы – слепок

общества, что без мобилизованности гражданского общества никогда не будет дисциплинированной и боеготовой армии.

Что надо сделать, чтобы разрушить и общество и армию? Надо круглые сутки вливать через «ящик» помой, уголовщину, блуд, трупы, извращения, и все это вперемежку с животным гоголем КВН, рекламой или мерзким эстрадным кривлянием. Дикторам велено вести передачи с тревожно-неврастеничной скороговоркой, дабы сеять панику и неуверенность. Главные ведущие на Западе не просто мужчины, но мужчины, убеленные сединами. Это у них называется «голос отца». Давно замечено, если передачу ведет «сорока тары-бары», слушателей охватывает невольная тревога. Государство – институт строгий и величественный, и не балаболке трещать о его проблемах. Но теперь о военных действиях дают вещать инфантильным свистулькам и неполнозрелым юношам, никогда не служившим.

Чтобы человек и его семья (здесь вместо «семья» можете поставить «армия», «школа» или «общество») были жизнеспособны и устойчивы, количество жизнеутверждающей информации должно в пять раз превышать негативную!

В связи с этим те, кому положено, должны задаваться вопросом, а что нам демонстрирует «черный квадрат ящика»? Растление и вымирание неизбежно при нечистом слове. Когда-то после войны все репродукторы страны из края в край, кроме официоза, давали песенную, задушевную и лирическую стихию, которая омывала после ран войны некоей целительной литургией. Народ был беден, но чист и готов к свершениям. Сейчас страну заливают сквернословие и нечистоты. А чтобы человек не мог бы даже вспомнить, где он живет, ему вместо родной области подсовывают «субъект», вместо Белокаменной и Первопрестольной, всучивают «сити» и «мегаполис», а вместо родного края – «регион». Подмена есть форма уничтожения.

Война за самоидентификацию не знает перемирий – она беспощадна. Как сказал Нильс Бор: «есть сообщества пострашней бандитских – это сообщества ученых». Научные «пираньи» разорвут любую целостность, будь то язык или нация. От народа будут отрывать племена, от языка диалекты, от страны целые области. Атаки на русский язык становятся все беспощаднее. Стоит только языковой страже ослабнуть или зазеваться, как тут же во всех языках Европы и Азии (не только в русском, как горестно изумляются наши наивные патриоты) начинают растаскивать язык на диалекты и наречия, присваивая их. Объявляют исторические претензии на территории, мечтают «от моря до моря» нарезать земли в параноической горячке. Перекраивают в учебниках границы. Раскрашивают карты в свои цвета.

Последние четверть века основные подрывные действия против русского языка отбивал Трубачев, хотя эта работа была не для его «весовой категории» – крупнейшего в мире знатока славянских языков. Эта агрессивная мелкота донимала Олега Николаевича. Казалось бы, войну против откровенных провокаторов должны взять на себя тысячи критиков, литературоведов, писателей, преподавателей филологических кафедр институтов, вроде Пушкинского Дома и Литературного института. Вместо этого такой в языкознании «ударный авианосец», как Трубачев, продолжая аллегорию, гонялся за эсминцами, а то и катеришками. Может, его специально дразнили, чтобы не дать работать?

Вот некто Исаченко заявляет, что в России «до 1800 года никакого литературного языка не существовало». И на эту заведомую чушь вынужден откликаться сам Трубачев.

Или в другом месте Олег Николаевич роняет: «Ничем, кроме как немим изумлением, я не умею реагировать на встреченные утверждения в юбилейном пылу, что Русь в X веке была многонациональным государством... Это в десятом-то веке!» Многонациональность – любимая провокация русофобов. Дескать, и тогда и сейчас Россия – многоэтническое образование. Хотя по международным нормам при 85 процентов русских сегодня Россия – государство моноэтническое. Русский народ никогда не боялся многонациональности.

Редуют и так немногочисленные ряды истинных русистов. И вопреки известной пословице «свято место» остается пусто. С уходом из жизни в 1982 году директора

Института русского языка Федота Петровича Филина, у которого Трубачев был заместителем с 1966 года, Олег Николаевич не мог не почувствовать некоторого одиночества и даже незащищенности. Двадцать лет (1972–1992) первого филолога страны с мировым именем Трубачева не пропускали в академики, видимо, те же группировки, которые забаллотировали и не переизбрали во второй раз Виноградова в академики-секретари.

Филин – еще одна могучая фигура в ареопаге великих филологов. Всю войну и до 1946 года он провел в войсках, а на следующий, 1947 год, защитил с блеском докторскую диссертацию по теме «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи». Речь шла о литературном языке, которому в бессильной ненависти некий Исаченко отказывал в существовании. При Виноградове и Филине околонучные проказники не позволяли себе таких выходов, то было время, когда власть понимала государствообразующую роль русского языка. В 1944 году Филина отпустили с фронта на три дня, для участия в диалектологической конференции в Вологде. За 17-томный «Словарь современного русского языка» Филин в 1976 году был удостоен Ленинской премии. При энергичном содействии Филина начал выходить главный труд жизни Трубачева, грандиозный «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд». При его же, Филина, содействии, увидел свет «Словарь русского языка XI–XVII веков» под редакцией Г.А. Богатовой.

Годом позже Виноградова, в 1970-м, ушел из жизни замечательный русист-подвижник Павел Яковлевич Черных. В год Сталинградской битвы, в 1943 году, он в Московском университете защитил докторскую на тему: «Язык Уложения 1649 года», – первого общерусского свода законов отца Петра Первого – Алексея Михайловича. Разве можно было такой народ победить?!

Черных, как и Филин и Виноградов, своими трудами доказывал, что, несмотря на расхождения, три языка-брата, русский, белорусский и украинский, имеют одного предка, и предок этот общерусский (восточнославянский язык), который формировался со времен Андрея Первозванного и до основания Киева в VI веке.

В 1991 году кончился «русский век» родного языка, который был порожден войной и длился ровно полвека – с 1941 по 1991 год – и началось второе после 1917 года расчленение государства. Вновь против русского народа и его языка ведется беспощадная война на уничтожение. Катастрофа сотрясала и угнетала душу подвижника русского языка Олега Николаевича Трубачева. После Филина он не занял его место директора и с каждым годом чувствовал свое одиночество в родном институте. В этих обстоятельствах Трубачев понимал, что обязан обозначить свою позицию в разрушающемся политическом ландшафте Отечества. И он написал книгу «В поисках единства» о созидательной роли русского языка в государстве, десятилетиями занимаясь русским языком, владея праславянским лексическим фондом, зная лучше всех в мире историю становления родного языка.

Он заодно должен был дать ответ тем лжеисследователям, «которые ведут счет России и русскому языку только с XIV века, как и языкам украинскому и белорусскому». Трубачев опровергал своими работами тех историков, которые занимаются обрезанием русской истории вслед за Ключевским, который утверждал, со свойственным ему обличительным и ироничным историософским пафосом, что «Россия родилась не в скопидомском сундуке Ивана Калиты, а на Куликовом поле». И все радостно соглашались. Между тем сундук Калиты, принявшего перед смертью схиму, никогда не был скопидомским, и Россия могла родиться на Куликовом поле только в прищуре врага, а не истинного историка. Что возродилось на Куликовом поле, лучше всех сказал автор «Задонщины», воспевший Куликовскую битву, который начал ее с вещего воззвания: «Пойдемте, братья и друзья, взойдем на горы Киевские и величим землю русскую». Куликово поле возвестило зарю нового русского единства Киевской поры.

Но Государственная Дума подыграла расчленителям России, когда законодательно закрепила, по существу, отсчет русской истории с XIV века, утвердив первый воинский

праздник с победы Александра Невского, обокрав русский народ как минимум лет на четыреста–пятьсот. Памятник тысячелетию России поставлен в Новгороде еще в 1862 году.

Как же быть с языком митрополита Илариона и его пламенного «Слова о Законе и Благодати»? Что делать с языком «Русской правды» Ярослава Мудрого? Как быть с языком Новгорода, его летописей и берестяных грамот, которые доносят до нас живую русскую речь, не знавшую ни одного дня чужеземного угнетения?

Трубачев выдвигает идею «русского языкового союза». Он признается, что не знал о такой же идее, выдвинутой в 20-х годах в эмиграции крупнейшим русским филологом князем Николаем Сергеевичем Трубецким. Именно связь с Н.С. Трубецким «пришьют» на Лубянке, как помните, русисту Н.Н. Дурново и расстреляют в 1937 году.

Академик Трубачев справедливо утверждает: «Ни одна подлинно великая страна не кончается там, где кончается ее территория». И после распада императорской России, и после расчленения Советского Союза в Беловежской бане бывшее великое государство продолжает незримо и мощно сохранять русский язык. Он как аурой или нимбом окружает русскую государственность. Лидеры республик Балтии, Закавказья и Средней Азии и после разрушения СССР встречаются и говорят без переводчиков. В этой связи Трубачев сказал в «В поисках единства» со сдерживаемой победоносной торжественностью: «Как языковед имею сказать, что это русский языковой союз».

Скоро уже двенадцать веков как мы пользуемся славянской азбукой. Некогда в IX веке «един свят муж» Константин Философ, в монашестве Кирилл, впервые сложил буквы славянского письма и адресовал их всем славянам, которые еще легко понимали друг друга. Письмо это по имени творца называли «кириллицей». Трубачев говорит, что величие Петра Первого и его дальновидность проявились и в том, что он не посягнул на начертание шрифта старого, а только бережно подправил его. Пришло время, и благодаря такту Петра освобожденные русским оружием славяне без труда перешли на русский гражданский шрифт. «Так красиво, – говорит Трубачев, – возвратила Россия старинный культурный долг тем славянам, которые раньше нее приобщились к славянскому письму. Так славяне православные стали единственным народом Европы, который проводил богослужение на родном языке».

Олег Николаевич, не скрывая восхищения, вспомнил, как в 1930 году известный русист П.А. Лавров, в пору кумачовых бесчинств воинствующих безбожников опубликовал «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности», привел дерзновенные строки из «Азбучной молитвы»:

– Летит бо нынѣ и Словѣньско племѣ // Къ крещению обратишася вси.

Занимаясь выявлением древних форм наддиалектного образования, прообраза литературного языка, Трубачев напоминает об «обязательном для каждого языкового развития», еще со стадии дописьменной, – выделении и оформлении наддиалектных, потенциально литературных форм языка». Это то, что исследователи именуют аристократизацией языка. «И было бы странно, – говорит Олег Николаевич, – настаивать, что именно русский – непонятное исключение из универсального пути развития языков».

Разрушители от науки, число коих легион, доказывают, что древнерусский языковой мир представлял собой диалектную раздробленность без единого развитого центра или, как с сарказмом на это заметил Трубачев, если им поверить, то русский языковой мир представлял из себя как бы «существо, которое жить живет, а головы не отрастило», пока этому существу не пришел на помощь пришлый церковнославянский книжный язык, созданный на основе славянского языка, обиходного в Солуни. Русским лингвистам навязывают вульгарно-агрессивные теории гетерокомпонентного образования древнерусского языка. Между тем заимствования были всюду и у всех языков. Особенно органичны и плодотворны заимствования из родственных языков одной индоевропейской семьи, и прежде всего, из языков германских, каковым был готский.

Трубачев, будучи наиболее эрудированным филологом современности, с исключительной научной интуицией и вкусом к исследовательской дисциплине, отстоял

единство древнего культурного наддиалекта и последующего письменно-литературного языка. И наконец, доказал единство древнего новгородского диалекта и «всего древнерусского, древневосточнославянского языка».

Многодиалектность языка, его высшую стадию, говоря языком монаха Климента (в миру Константина Леонтьева), самого светлого ума после Пушкина, эту стадию «цветущей сложности», лингвистические «пираньи» тщились подать как отсутствие единства.

Наиболее агрессивно-запальчивых оппонентов дают исследователи, некогда причастившиеся разрушительного структурализма. «Не случайно, – говорит Трубачев, – оперативным понятием структурного анализа являются дифференциальные признаки, а скажем, не интегральные признаки». Они действуют по принципу «разделяй и властвуй, а не соединяй и здравствуй» – как говорят в народе.

С особой теплотой говорит Трубачев о формировании белорусского языка, который с русским языком поделил наречие кривичей. Олег Николаевич не может удержаться, чтобы не привести строки Янки Купалы:

А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромністай такой грамадзе?
– Беларусы...

Не повезло недругам русского языка с Трубачевым. С его словом считались во всем мире, и он доблестно отбил все вылазки нечистых разрушителей, укрывавшихся за наукообразной фразеологией. Интересно, воспринимали ли коллеги и читатели то, что Трубачев, ведя боевые действия как глава языковой стражи Руси, выполнял главное государственное служение, ибо единство и чистота языка – условие здоровья и могущества государства и государствообразующего народа.

Ударом, сильным для Трубачева, стала смерть академика Никиты Ильича Толстого в 1996 году, человека, который своей судьбой отражал трагический для России XX век. Н.И. Толстой родился в 1923 году в Югославии в семье эмигрантов. Русско-сербскую гимназию закончил в Белграде в роковом 1941 году. Войну провел в партизанском движении, потом до 1945 года в Красной Армии. После филологического факультета и аспирантуры в Московском университете, после военного лихолетья Толстой защищает диссертацию на самую мирную на свете тему: «Краткие и полные прилагательные в старославянском языке». Никита Ильич, проведя юность в эмигрантской среде, был осколком императорской России. На нем, его фамилии и связях, был ответ ушедшей дворянской Руси.

Что-то очень дорогое, несущее на себе невозвратный ответ старой России, неуловимо оставляет нас. Покидают этот мир, так в них нуждающийся, великие носители русского духа. Ушли из жизни композитор Свиридов, отпели в 2002 году в храме Христа Спасителя Олега Николаевича Трубачева, а за ним митрополита Волоколамского Питирима, который при других обстоятельствах стал бы Патриархом всея Руси. Сумели ли мы осознать явление в нашей духовной жизни этих великих фигур? Кто встанет на их место? Кто пройдет через эти сгустившиеся над Отечеством сумерки и понесет дальше в века чистый свет русского слова? Не видно их пока.

Недавно был перевезен на родину и предан родной земле в Донском монастыре прах еще одного русиста, религиозного мыслителя Ивана Александровича Ильина, умершего на чужбине. Уместно наше повествование о братстве русистов завершить словами Ильина о задачах, которые стоят перед христианской культурой: «Ныне же, когда вредоносное явление безбожной науки, когда страшная сила религиозно-бессмысленного государства, когда внутренняя обреченность безыдейного хозяйствования, когда растлевающая пошлость бездуховного искусства наполняют Божью землю расплясавшимися харями, христиане не могут ни отвернуться от этого зрелища, провозглашая «нейтралитет», ни укрыться за словесное «мироотвержение» и «непротivление». Напротив, они должны

найти в себе веру и волю для искреннего творческого христианского мироприятия и для борьбы за свое поле, и за свой посев. Тогда начнется исцеление».

...Оле Николаевич Трубачев участвовал во всех конгрессах славистов, начиная с послевоенного Московского в 1958 году. На всех конгрессах маститые ученые Европы подводили к Трубачеву своих аспирантов, чтобы показать им «живую легенду» славистики. В кулуарах Олег Николаевич отвечал на вопросы участников на всех европейских языках. Трубачева не было на последнем конгрессе в Словении в 2003 году. Он умер, годом раньше.

На могильном камне Трубачева высветлена карта дунайской прародины славян, которая всегда висела в его кабинете.

Ноябрь 2005 г.